

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ФРАНКСКОГО ГРАФА И ДРЕВНЕРУССКОГО ПОСАДНИКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Обращает на себя общее сходство политического развития «державы Рюриковичей» и раннего Франкского государства [5, с. 501], хотя обнаруживаются и очень показательные отличия. Во Франкском государстве по инициативе королевской власти отдельные области передавались в управление особым должностным лицам – графам (лат. comes). Аналогичная должность – по осуществляемым функциям и, возможно, происхождению – в Древнерусском государстве – это посадники. Однако графы со временем приобрели настолько значительные властные полномочия, что в итоге разительно отличало их от института древнерусских посадников.

Несомненны сходство и даже тождественность причин, вызвавших появление институтов посадника и графа. К их числу необходимо отнести обширность территории и невозможность в силу неразвитости коммуникаций управлять ею из одного центра, также как и непосильность для одного лица оперативно разрешать множество текущих дел в различных сферах жизни раннесредневекового общества. Пример Франкского государства позволяет обнаружить еще одно обстоятельство, требовавшее расширения круга лиц, включенных в аппарат управления. Германское племенное объединение франков расселилось на территории с достаточно глубоко укоренившимися римскими традициями. Галло-римская аристократия поставила в подчиненное положение местное население еще до завоеваний франков и ее поддержка, несомненно, упрощала задачи поддержания франкского господства. В этой связи не удивительно, что большинство из назначаемых графами лиц принадлежало к галло-римским аристократическим фамилиям [3, с. 74].

Эдикт франкского короля Хлотаря II 18 октября 614 г. прямо настаивал на назначении должностных лиц из числа местных землевладельцев [12]. Предполагают, что это требование, зафиксированное в 12-й статье эдикта, было вызвано стремлением избежать коррумпированности «чиновников», а кроме того их имущество (графы избирались из числа наиболее богатых людей той или иной области) могло служить гарантией от несправедливого и плохого управления [16, р. 103] – должностные лица своим имуществом отвечали за причиненный ими ущерб [3, с. 138; 16, р. 103]. Однако в действительности это решение оказалось большой победой proprietaries (местных собственников), которые использовали его для расширения своих правовых полномочий и превращению своей власти в наследственную [6, с. 17; Все же отметим, что некоторые исследователи не видят в статьях

¹ Публикуется в авторской редакции.

Парижского эдикта уступки в пользу нобилитета: [17, p. 143, note 25]. Франкские же короли не обладали достаточной силой для поддержания герцогов и графов в зависимости. Эти должностные лица со временем приобрели такое могущество, что стали рассматривать отданные им в управление территории, как свое имущество, удерживая в полном объеме доходы от фиска [16, p. 103]. В 673 г. король Хильдерик II подтвердил указанную статью эдикта Хлотаря II: *rectores* («управители») – герцоги, графы и другие патриции – должны были назначаться на эти должности исключительно в своих собственных провинциях [3, с. 194]. Тем самым функции управления в отдельных административных единицах – провинциях или регионах (*pagus*) [8, с. 200] – оказались сосредоточенными в руках местных земельных собственников, превращавшихся в феодалов-сеньоров.

В период правления Карла Великого обозначившаяся ранее тенденция к приобретению графами самостоятельности от верховной власти была ненадолго приостановлена [9, с. 219]. В этом отношении необходимо согласиться с Анри Пиренном в том, что королевство Меровингов и королевство Каролингов были «далеко не преемственными, а противоположными друг другу» [15, p. 266]. В отношении организации фиска это вполне справедливо. Однако в империи Каролингов сохранилось важнейшее наследие римской эпохи – частное землевладение [14, p. 7]. Именно в этом видится наиболее принципиальное отличие ситуации, которую мы наблюдаем в Древнерусском государстве, от ситуации во Франкском государстве. Главы местной администрации – графы, являвшиеся представителями крупнейших землевладельцев той самой территории (*pagus*), полномочия управлять которой получили от верховной власти, начинают рассматривать подконтрольную область, как свое феодальное владение. Материальной основой укрепления власти графов стали их собственные земельные владения, в то время как королевская (императорская) власть не находила достаточных средств для поддержания своего могущества. Между тем на Руси посадники не могли найти сколь-нибудь значительные ресурсы, которые позволили бы им противостоять княжеской власти. Для древнерусского региона это совершенно немыслимо. Не было у посадников (в отличие от графов) и другой опоры на местах – обширных частных связей. Вполне вероятно, что киевский князь, заинтересованный в лояльности местной родоплеменной знати, при назначении посадника для того или иного города с волостью останавливал свой выбор на ее представителях. Кроме того, местная знать обладала значительным опытом в сфере административного управления и суда, что должна была учитывать установившая свое господство на Руси скандинавская династия, стремившаяся к укреплению своей власти [4, с. 97]. Поступление представителей племенной знати на княжескую службу рассматривается в качестве основного пути консолидации высшего слоя восточнославянского общества и ближайшего княжеского окружения в социальную категорию древнерусского боярства [4, с. 100; С.В. Бахрушин довольно прямолинейно считал, что при Святославе Игоревиче племенных

князьков либо истребили, либо свели в степень посадников киевского князя. 1, с. 93]. Тем не менее, кроме Новгорода, на известных примерах из истории домонгольской Руси невозможно подтвердить принадлежность посадников к знати местного происхождения.

Отчасти с наследием римской эпохи была связана и система вассалитета, которую использовали уже короли из династии Меровингов для закрепления на военной службе членов дружины. Предполагают, что юридические истоки частного обязательства следует искать в римской «коммендации» и законах германского воинского товарищества [3, 286]. В период правления Карла Великого системе вассалитета был придан всеохватывающий характер. При преемниках Карла Великого система вассалитета получила дальнейшее развитие. Быстрее данный процесс проходил в западной части распадающейся империи. В 847 г. правитель Западно-Франкского королевства Карл II Лысый издал постановление, согласно которому каждому свободному человеку предписывалось выбрать себе сеньора [13].

Таким образом, со времени Карла Великого представители верховной государственной власти – императоры, короли – оказались связанными вассальными отношениями с людьми, которым они доверяли важнейшие государственные обязанности, и в их числе – управление территориальными округами – графствами, марками и герцогствами. Но при первых Каролингах эти должности, носившие старинное латинское наименование «почести» (*honores*), еще отделялись от бенефициев. В отличие от последних, должности не были наследственными и обладатель «почести» в любой момент мог быть её лишен, в том числе и в связи с получением более престижного вознаграждения [2, с. 188]. Но нужно отметить, что наследование графской должности (как и высших церковных должностей) в пределах определенных аристократических семей было уже реальностью общественно-политической ситуации Франкского государства IX в. Предстояло лишь формальное законодательное оформление сложившегося положения.

Определенным этапом в приобретении графами прав независимых владетелей стали решения короля Карла II Лысого, зафиксированные в Кьерзийском капитулярии 877 г. [11]. Принято считать, что в данном документе окончательно утверждалась наследственность должности графа, юридически закреплялась и санкционировалась самостоятельность графов, которая к тому времени уже стала реальным фактом. Явно обозначилась тенденция к слиянию «почести» и бенефиция.

Важно, что граф оказывался во главе феодальной иерархии на той территории, которая оказалась у него в управлении. Это обстоятельство, безусловно, способствовало закреплению за руководителями отдельных областей Франкского государства владельческих прав. Тем более, что положение сеньора, как и графская «почесть», стало передаваться по наследству. Кьерзийский капитулярий 877 г. предлагал распространять принцип наследственности на всех вассалов: «приказываем, чтобы как

епископы, так и аббаты, и графы, и остальные наши верные со своими людьми старались поступать точно так же» [11].

Таким образом, во Франкском государстве вполне отчетливо проявилась тенденция к соединению должностных обязанностей с владельческими правами на территорию, ранее порученную в управление и со временем трансформировавшуюся в частное владение. В рамках марксистской парадигмы, предполагавшей универсальный характер происходивших в различных регионах мира процессов, в Древней Руси следовало обнаруживать аналогичные явления. Так, по мнению С.В. Юшкова, посадники со временем превращали свою должность в наследственную и сделались типичными феодалами, закабляя подвластное им население и преобразуя дань в феодальную ренту [10, с. 228]. В действительности источники совершенно не дают оснований для подобных выводов. В распоряжении историков нет ни одного примера, когда отданная в управление посаднику городская волость превращалась в его наследственную вотчину. Обращает на себя внимание временный статус посадников, которые непременно сменялись при каждой смене княжеской власти [7, с. 149].

Литература

1. Бахрушин С.В. Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. 1938. № 2. С. 88–98.
2. Блок М. Феодальное общество. М., 2003.
3. Лебек С. Новая история средневековой Франции. V–IX века. М., 1993.
4. Ловмянский Х. О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 93–100.
5. Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 500–519.
6. Сидоров А.И. Организация власти во Франкском королевстве в VIII–IX вв. // Средние века. Вып. 64. М., 2003. С. 3–34.
7. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X–XIII века. СПб., 2011.
8. Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
9. Хэгерманн Д. Карл Великий / Пер. с нем. В.П. Котелкина. М., 2003.
10. Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.
11. Capitulare carisiacensi. 877. Jun. 14 // Monumenta germaniae historica. Legum section II. Capitularia regum Francorum. Т. II / Edidit A. Boretius et V. Krause. Hannover, 1897. P. 355–361.
12. Chlotharii II. Edictum. 614. Oct. 18 // Monumenta germaniae historica. Legum section II. Capitularia regum Francorum. Т. I / Edidit A. Boretius. Hannover, 1883. – P. 20–23.
13. Hlotharii, Hludowici et Karoli conventus apud Marsnan primus. 847. Febr. // Monumenta germaniae historica. Legum section II. Capitularia regum Francorum. Т. II / Edidit A. Boretius et V. Krause. Hannover, 1897. P. 68–71.
14. Pirenne H. Histoire economique et sociale du moyen age. Paris, 1969.
15. Pirenne H. Mohammed and Charlemagne. New York, 1957.
16. Tardif J. Études sur les institutions politiques et administratives de la France. Genève, 1980.

17. Wood I. *The Merovingian Kingdoms 450–751*. London; New York, 1994.